

Н. Ю. Муравьева (Москва)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

История изучения модусной категории перцептивности⁶, как принято сегодня считать, ведет свое начало с 1980 г. от работ Ю. Д. Апресяна, обнаружившего «фигуру наблюдателя» (семантический примитив и одновременно «одно из самых увлекательных понятий в обиходе современной лексической семантики» [5, с. 185]) в значении некоторых наречий и глагольной граммеме совершенного вида [1].

Однако понимание «фигуры наблюдателя» на сегодняшний день неоднозначно. Так, для Ю. Д. Апресяна наблюдатель интересен лишь как составляющая семантики лексической или грамматической единицы – так называемый «нетривиальный» наблюдатель, без упоминания которого толкование лексической/грамматической единицы не будет полным. Для Е. В. Падучевой понятия «наблюдатель» и его гипероним – «экспириенцер» – в первую очередь указания на источник получения информации (см. обнаружение «родового» и даже «собирающего» наблюдателя [6, с. 210–212; 5, с. 198]). Однако если за перцептивностью видеть не источник, а именно способ подачи, или тип «упаковки» (У. Чейф) информации (см. определение понятия «коммуникативный регистр» у Г. А. Золотовой), то интересным окажется не только изучение отдельных лексических и грамматических единиц, но и их поведение, функционирование в тексте – их роль в формировании репродуктивного регистра речи.

Обращение к текстовому анализу уже позволило доказать существование перцептивности как самостоятельной семантической кате-

⁶ Перцептивность – семантическая категория, или функционально-семантическое поле, образуемое системой лексических и грамматических средств, текстовая функция которых – передать в речи ситуацию непосредственного наблюдения, восприятия, а также содержащаяся в их семантике модусная (Ш. Балли, Н. Д. Арутюнова и др.) информация, которая на уровне текста является средством создания репродуктивного коммуникативного регистра [2, с. 29] – «модели речевой деятельности, обусловленной точкой зрения говорящего» (в данном случае – позицией наблюдателя) «и его коммуникативными задачами, располагающей определенным набором языковых средств и реализованной в конкретном фрагменте текста» [4, с. 179].

гории в языковой системе, или функционально-семантического поля. Если говорить о лексической составляющей этого поля, то в его центре оказываются перцептивно-модусные глаголы (*видеть*), на периферии – изобразительные (*вздыбиться, нахохлиться, провиснуть*), далекую периферию составляют потенциально перцептивные лексемы (*идти, сидеть*). Градация признака «перцептивность» здесь основывается на (а) наличии модусной информации в семантике лексемы, или (б) наличии перцептивной составляющей в пресуппозиции лексического значения, или (в) конкретности значения, модусной «нейтральности» лексической единицы.

В центре поля – среди перцептивно-модусных предикатов – также можно говорить об определенной градации. Степень удаленности от центра связана с 1) появлением/увеличением доли диктумной информации в лексическом значении; 2) «перемещением» субъекта восприятия из основного участника ситуации (субъекта синтаксического – подлежащего, Им. п.) во второстепенный и, далее, «уход» его «за кадр» (Е. В. Падучева). Например: *Я вижу / смотрю / слышу* → *Мне что-то видно / До меня доносятся звуки* → *Дом виднеется / Раздаются неопределенные звуки* → *Парус белеет / Звонит голос / Шуршит трава* [3].

Отдельные средства выражения категории перцептивности на уровне грамматики уже частично описывались в работах Ю. Д. Апресяна, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Г. А. Золотовой, Ю. П. Князева, Ю. А. Пупынина, В. С. Храковского, И. Б. Шатуновского и др. в связи с категориями вида, времени, залога глагола – в морфологии, номинативности, безличности, авторизации – на уровне синтаксиса и т. д.

Общее во всех этих работах – внимание к ограниченному кругу лексических единиц и оговорки на лексическое «наполнение» граммем и конструкций. Ограничения на семантику слов, соединяющихся с отмеченными грамматическими компонентами, свидетельствуют о несамостоятельности грамматики. В этом специфика русского языка, отличие от других языков, например, имеющих категорию эвиденциальности, способных грамматически обозначить как ментальную, так и перцептивную информацию в тексте (например, тибетские и ряд индейских языков [7, с. 317]).

Теперь обратимся к анализу конкретного текстового фрагмента, выбрав отрывок репродуктивного регистра из романа Б. Окуджава

«Упраздненный театр», чтобы попытаться определить роль именно грамматических средств в его создании.

Наконец распахивается знакомая белая дверь. Вот и комната, просторная и светлая, в которой с легкостью уместится и черный рояль слева, и возле него – черного дерева круглая, вся в диких выпуклых узорах тумбочка, на которой возвышается высокая лампа, основание которой напоминает Эйфелеву башню, увитую коричневой лакированной соломкой, а сверху ее украшает широкий развесистый абажур из такой же соломки, и вся она – живая, трепещущая, привычная, словно член семьи... Затем большой старинный стол посередине и диван меж первым и вторым окном, и стеклянный шкаф меж вторым и третьим, в котором – и синеватый сакс, и зеленоватые кузнецовские тарелки, и английский фаянс, какие-то причудливые сахарницы и солонки, и хлебницы, и штофчики, и рюмочки... Затем поперек комнаты – книжный шкаф и тускло посверкивающие за стеклом книги, и этот шкаф почти разделяет комнату на большую первую и маленькую за ним спальню, это меж третьим и четвертым окнами, где две деревянные с витиеватыми лакированными грядушками кровати с тумбочкой меж ними, и на ближней к нам кровати лежит Луиза, Люлюшка, Люлю – большеротая, большеглазая двоюродная сестра Ванванча с черной челкой по самые глаза.

Несомненно, что коммуникативная задача данного фрагмента и составляющих его средств разных языковых уровней – «сконструировать», «оформить», «упаковать» в словесный ряд зрительную информацию, непосредственно воспринятую органами чувств. «Наглядность» создают все значимые языковые средства – и уровни лексики, и уровни грамматики.

С точки зрения семантики все эти средства можно поделить на два типа:

1. Образные, цветовые и пространственно-наблюдаемые характеристики объектов (выделены подчеркиванием). Они выражены чисто лексически: наблюдаемость характеризует уже первое значение слов, или же образность создается в контексте, когда переносные значения, порой не зафиксированные в словарях, оказываются результатом «нетипичного» соединения лексем (*развесистый абажур*), образных сравнений и под.

2. Связанные с эго говорящего-наблюдателя показатели: пространственные и временные эгоцентрики, временные показатели – соединяющие время героя-наблюдателя и сиюминутность характеристики

описываемых объектов (выделены полужирным шрифтом). На них надо остановиться подробнее.

Дверь распахивается – т. е. кто-то открывает, некоторое оживление, олицетворение двери-«преграды», «препятствия», некоторой «границы» между мирами, созданное посредством субъектно-объектной диатезы.

Наконец – есть некоторая интенсивность, нетерпеливость героя (который спешит увидеть дом тети, сестру).

Вот – показатель дейксиса, означает «я нахожусь рядом».

Слева – от меня, вошедшего.

Привычная – т. е. для меня.

Три ряда однородных членов с повторяющимся союзом *и* – значение нагромождения предметов, т. е. прямо не сказано, но подразумевается, что «по-моему, их очень много».

Дважды затем – «я перевожу взгляд с одного предмета на другой, с одного конца комнаты на другой».

Ближней к нам – местоимение 1-го лица обозначает вошедших, смотрящих, причем под *мы* – имеется в виду герой с папой⁷.

По самые глаза – это не просто длинная челка, но слишком длинная: оценка обусловлена «картинкой», взглядом говорящего, его личным наблюдением. Семантика «превосходности» признака выражается местоимением «самый», которое в контексте с именами прилагательными принято считать формообразующей (аналитическую форму степени) частицей.

Почти (разделяющий комнату шкафа) – также содержит личностное впечатление, может быть, и сиюминутность⁸.

⁷ И это неожиданно, потому что Ванванч – это «третьеличный» герой с точки зрения грамматики романа. Подробнейшим образом передаются его детские внутренние ощущения, воспоминания и переживания, его внутренний мир, однако местоимение «я» по отношению к нему употребляется лишь в прямой речи, в авторском же повествовании он обозначен местоимением «он» или же именем собственным «Ванванч». Так, с одной стороны, создается грань между авторским Я-прошлым и Я-настоящим, с другой, юный возраст героя-объекта повествования подчеркивается «чисто детской» проблемой неусвоения «шифтерных» (Р. О. Якобсон) категорий.

⁸ Сюда же можно добавить лексические средства, «пограничные» между обрванной подгруппой и эгоцентриками: *Живая, трепещущая* – передается движение в момент наблюдения; *Тускло поблескивали* – опять передача движения света, т. е. сиюминутность наблюдения.

Таким образом, во-первых, участвующие в создании перцептивности грамматические средства данного отрывка – это личные местоимения, дейктические и уточняющие частицы, повторяющиеся союзы, субъектно-объектная диатеза, а также обилие (не выделенных в тексте) номинативных предложений.

Во-вторых, с точки зрения поуровневой характеристики средств, интересен тот факт, что грамматические средства встречаются лишь среди второй семантической группы: значит, можно говорить о своеобразии отдельно лексической, отдельно грамматической модусной семантики.

В-третьих, статистика показывает, что кажущееся обилие лексических средств создания перцептивности несколько преувеличено: лексических маркеров модуса в отрывке 30, в то время как грамматических – не намного меньше – 22.

В-четвертых, впечатление множества лексических средств создается за счет их «явности», «яркости», они как бы первыми «бросаются в глаза». Грамматика же «не явна», «не бросака».

В-пятых, если и можно говорить о модусной «несамостоятельности» грамматики, то нужно иметь в виду ее ненавязчивость, «косвенный» характер, т. е. не столько «второстепенность», сколько «скрытность» модусной информации. Она не способна самостоятельно «задать» перцептивность, но она необходима для «поддержания» лексики, что и доказывает количественное соотношение средств разных уровней.

В-шестых, выстроить более-менее четкую шкалу (как на уровне лексики) внутри грамматических средств оказывается трудным в связи с многозначностью граммем и конструкций и уже отмеченной зависимостью их семантики от лексического «наполнения».

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 629–650.

2. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004.

3. Муравьева Н. Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте. АКД / Н. Ю. Муравьева. – М., 2008.

4. Онипенко, Н. К. Синтаксическое поле русского предложения и модель субъектной перспективы / Н. К. Онипенко // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. – М.: УРСС, 2002.

5. Падучева, Е. В. Наблюдатель как Экспериент «за кадром» / Е. В. Падучева // Слово в тексте и словаре: сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / отв. ред.: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 175–192.

6. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia philologica).

7. Плуныян, В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие / В. А. Плуныян. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003.